

ЧЕХОВ В ПРОЗЕ СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА

© 2011 Г.А.Доброзракова

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики

Статья поступила в редакцию 19.07.2010

В статье дается краткий обзор исследований, касающихся связи творчества С.Довлатова с творчеством А.П.Чехова. Прослеживаются переключки между чеховскими и довлатовскими эстетическими воззрениями и их поэтикой. Рассматривается важнейший принцип художественности, присущий как Чехову, так и Довлатову, – принцип объективной формы повествования.

Ключевые слова: поэтика, эстетические воззрения, принцип объективной формы повествования, диалектическая антиномичность, переплетение комического и драматического, оксюморон, интертекстуальные связи, Чехов, Довлатов.

°Когда Сергей Довлатов писал в своих «Записных книжках»: «Можно благоговеть перед умом Толстого. Восхищаться изяществом Пушкина. Ценить нравственные поиски Достоевского. Юмор Гоголя. И так далее. Однако похожим быть хочется только на Чехова¹, – он, конечно, не подозревал, что загадывает литературоведам одну из множества нелегких загадок, связанных с особенностями своего творчества. В отечественном довлатоведении теперь не утихают споры о том, почему Довлатову хотелось быть похожим именно на Чехова. (Довлатов действительно внимательно перечитывал в эмиграции чеховскую прозу и драматургию, о чем свидетельствуют не только художественные произведения Довлатова, но и документы, где писатель прямо говорит об этом, например, видеоинтервью, записанное в 1989 г. Евг. Поротовым.) И.Сухих замечает, что Довлатова сближало с Чеховым осознание своей роли в литературе в качестве скромного литератора, рассказывающего о том, как живут люди, а не о том, как они должны жить². Б.Ланин считает Довлатова «едва ли не самым «чеховским» писателем после смерти великого рассказчика», потому что «чеховские мотивы «не-встреч», «не-романов» и «не-развязок» получают в его прозе талантливое развитие»³. Е.Курганов делает вывод о том, что Довлатов ощущал свою органическую близость чеховской

поэтике через анекдот, который в первую очередь определяет художественные законы довлатовского мира⁴. О преобладании в текстах произведений обоих авторов подтекста и скрытой иронии пишет В.Васильева⁵. Ю.Федотова обращает внимание на то, что «сближает прозу Довлатова с чеховской и отказ от морализаторства, от следования определенной нравственной позиции и навязывания этой позиции читателю», что произведения этих писателей пронизаны «ощущением абсурдности бытия»⁶. А.Неминуший отмечает такую особенность, как, «повествовательный минимализм»⁷, которому Довлатов учился у своего предшественника. А.Семкин настаивает на том, что «Чехов становится для Довлатова высочайшим идеалом прежде всего по той причине, что осознается им как носитель *нормы*»⁸.

Казалось бы, все соответствия между Чеховым и Довлатовым, касающиеся как их мирозерцания, так и поэтики, перечислены (причем каждый из исследователей выделяет одну-две общие черты, сближающие этих авторов) – не

⁴ Курганов Е. Сергей Довлатов и линия анекдота в русской прозе // Довлатов С. Последняя книга. – СПб.: 2001. – С. 493.

⁵ Васильева В.Н. Чеховские традиции в рассказах Сергея Довлатова // Современная русская литература: Проблемы изучения и преподавания. Сб. статей по материалам международной НПК. Пермский гос. пед. университет 2 – 4 марта 2005 г. В 2 ч. – Пермь: 2005. – Ч. 2. – С. 98.

⁶ Федотова Ю.В. А.Чехов и С.Довлатов: Тоска о лучшей жизни // Традиции в контексте русской культуры. Выпуск XIII: межвузовский сборник научных работ. – Череповец: 2006. – С. 91, 92.

⁷ Неминуший А.Н. В пространстве времени литературы: до Чехова – Чехов – после Чехова. – Daugavpils Universitātes. Akadēmiskais aparāts «Saule», 2009. – С. 287.

⁸ Семкин А.Д. Почему Сергею Довлатову хотелось быть похожим на Чехова? //Международная научная конференция «А.П.Чехов и мировая культура: взгляд из XXI века». – М.: 2010. – С. 103.

°Доброзракова Галина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью, докторант кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы ПГСГА. E-mail: deva_roza@list.ru

¹ Довлатов С. Собр. соч.: В 4 т. – СПб.: 2004. – Т. 4. – С.168. Далее цитаты приводятся по этому изданию – в скобках первая цифра обозначает том, вторая – стр.

² Сухих И. Сергей Довлатов: время, место, судьба. – СПб.: 1996. – С. 32.

³ Ланин Б. Сергей Довлатов // Проза русской эмиграции (третья волна). – М.: 1997. – С.103.

хватает лишь логического обобщения. Для этого необходимо обратиться к эстетическим воззрениям Довлатова, изложенным им в своих выступлениях. Так, в лекции «Блеск и нищета русской литературы», прочитанной 19 марта 1982 г. в университете Северной Каролины, писатель обращает внимание на слабые стороны русской литературы, проявившиеся в том, что «из явления чисто эстетического, сугубо художественного литература превращалась в учебник жизни» (4; 355). Довлатов представляет историю русской литературы как историю «борьбы за сохранение ее эстетических прав, за свободное развитие ее в рамках собственных эстетических законов, ею самую установленных» (4; 355), отводя при этом особую роль А.С.Пушкину – писателю, стоявшему выше нравственных и идеологических претензий. Себя Довлатов осознавал как продолжателя именно эстетической линии в русской литературе, идущей от Пушкина, говоря в выступлении на лос-анджелесской конференции: «внуки будут оценивать наши достижения только по эстетической шкале. Останется единственное мерило – качество. Будь то – пластическое качество, качество духа, юмора, интеллекта... <...> Из методологической разработки относительно того, как жить и «что делать», литература превратится в захватывающее явление самой жизни»⁹.

Ориентированный на художественный опыт Пушкина, Довлатов увидел в Чехове прежде всего пушкинского преемника, в котором возродилась «наиболее ясно и талантливо пушкинская духовная независимость, пушкинская полнота восприятия жизни, выражающаяся... в доверии к ее естественному течению... который отказался сотрудничать с Богом и государством, которого совершенно невозможно адаптировать в духе любой идеологии – настолько у него мало точек соприкосновения с тоталитарным мышлением»¹⁰. Важнейшим чеховским принципом художественности был принцип объективной формы повествования, которая рождалась в результате лаконизма и беспристрастности писателя. Чехову, опасавшемуся одностороннего изображения действительности и рассчитывавшему на «догадливого» читателя, претило открытое проявление авторского отношения к предмету изображения. Он стремился к «множественному видению истины»¹¹, к показу во всех явлениях их «диалектической антиномичности»¹². Художественная

система Чехова, по наблюдениям Э.Полоцкой, основана на сочетании «взаимоисключающих принципов» – он опирается «на низкое рядом с высоким, злое – с добрым, красивое – с некрасивым, смешное – с печальным»¹³. Недаром так неоднозначно трактуется, например, образ главной героини чеховского рассказа «Душечка»: «Душечка – безликая раба своих привязанностей; Душечка – непостоянное, беспринципное существо; Душечка – воплощение истинного предназначения женщины»¹⁴. Не случайно для «Вишневого сада» характерна эмоциональная двусторонность, переплетение комического и драматического, бодрого и печального. Стремление к изображению жизни такой, «какая она есть», и осознание ее парадоксальности, абсурдности вводит в прозу и драматургию Чехова элементы абсурда.

Как чеховские герои, довлатовские персонажи существуют в постоянном становлении, они многолики и многогранны. Однако многозначность и многослойность текста Довлатова раскрывается только посвященному и вытекает из интертекстуальности и связанной с ней ассоциативности, требующей от читателя (или зрителя) огромной внутренней работы по «додумыванию». Проиллюстрируем это на примерах из повести «Заповедник» (1983), к которой, кстати, чаще всего обращаются сценаристы и режиссеры. Подобно тому как герои Чехова соотносят себя с авторами и героями мировой литературы (по наблюдениям З.Абдуллаевой, «Астров сравнивает себя с героем Островского, Тригорин – с Поприциным, Треплев Тригорина – с Гамлетом, Шабельский себя – с Чацким, Львова – с Добролюбовым, Львов Иванова – с Тартюфом, Соленький себя – с Лермонтовым, вспоминает Алеко. Лопухин Варю – с Офелией, Дядин себя – с Бетховеном и Шекспиром, Серебрякова – с Тургеневым, Войничский Серебрякова – с Отелло и Дон Жуаном»¹⁵), главный герой «Заповедника» Алиханов соотносится с писателями – Пушкиным, Бродским и самим Довлатовым, – а также литературным персонажем Лермонтова – Печориным. Так, А.Арьев рассказывает, что прототипом Алиханова стал И.Бродский. «Был в жизни поэта такой эпизод, когда он пытался уберечься от ударов советской судьбы в Пушкинском заповеднике. Хотел получить в нем хотя бы место библиотекаря. Но и этот скромный номер не прошел – его не взяли ни в библиотеку, ни куда бы то ни было еще. <...> Помня и думая об

⁹ Довлатов С. Речь без повода... или Колонки редактора. – М.: 2006. – С. 260 – 261.

¹⁰ Агеев А. Конспект о кризисе // Литературное обозрение. – 1991. – № 3. – С. 18.

¹¹ Толстая Е. Поэтика раздражения: Чехов в конце 1880 – начале 1890-х годов. – М.: 2002. – С. 201.

¹² Сухих И. Сергей Довлатов: время, место, судьба. – СПб.: 1996. – С. 217.

¹³ Полоцкая Э. А.П. Чехов: Движение художественной мысли. – М.: 1979. – С. 300.

¹⁴ Катаев В.Б. Сложность простоты: Рассказы и пьесы Чехова. – М.: 1998. – С.31.

¹⁵ Абдуллаева З. Жизнь жанра в пьесах Чехова // Вопросы литературы. – 1987. – № 4. – С. 161.

этом сюжете, Довлатов и принялся за свой «Заповедник». Приехав в Пушкинские Горы, он проживал подобную ситуацию в масштабе собственной биографии. Он не представлял себя публике гением, но и не скрывал принадлежности к не слишком лояльным питерским литературным кругам. При мне как-то показал «ни с того ни с сего» одному из работников заповедника первую свою публикацию в запрещенном «Континенте». И тут же услышал: «Подумаешь, буря в стакане воды...»¹⁶ Значит, Алиханов – это и сам Довлатов, переживавший мучительный кризис, и – в более широком смысле – всякий опальный талант.

Кроме того, в диссидентствующем герое выступают пушкинские черты. История отношений автопсихологического героя повести с обществом проецируется на биографию Пушкина; сближают Пушкина и Алиханова «несчастливая любовь, долги, женитьба, творчество, конфликт с государством» (2; 181). Совпадение проявляется и в том, что псковское пушкинское имение оказывается местом для пробы творческих сил обоих писателей. Алиханов также близок лермонтовскому герою – Печорину – и предстает перед читателями как лишний человек Нового времени, которого роднят со своим предшественником постоянная авторефлексия, одиночество, ирония по отношению к себе и окружающим, колебания воли, стремление к свободе, к идеалу и горечь разочарования. Таким образом, интертекстуализация повествования позволяет творческому читателю включиться в процесс импровизации и наблюдать за тем, как происходит раскрытие характера героя прямо на его глазах. Наблюдаемые межтекстовые переключки повести «Заповедник» с романом Лермонтова «Герой нашего времени» и с произведениями Пушкина способствуют восприятию довлатовского автопсихологического персонажа как личности более сложной и значительной, чем это кажется на первый взгляд, и помогают более глубокому осознанию трагичности судьбы интеллигента, жившего в эпоху «застоя».

В то же время Алиханов – это и бывший надзиратель из «Зоны», главный герой одного из предшествующих «Заповеднику» произведений. Прошедший через испытание зоной, Алиханов – не только творческая, яркая, талантливая личность, но и слабый, несчастный человек, подвергнутый пагубному пристрастию к алкоголю. Не случайно для прямой авторской оценки своего персонажа писатель выбирает оксюморон: «Я был – одновременно – непризнанным гением и страшным халтурщиком» (2; 229), – что дает возможность читателям воспринимать образ

Алиханова как образ, не поддающийся однозначному толкованию.

Сложность образа Алиханова усугубляется тем, что точному определению не всегда поддаются и чувства, переживаемые главным героем: они подчас слишком противоречивы. Так, даже любовь становится дискурсом игры: «Как ни странно, я ощущал что-то вроде любви. Казалось бы – откуда?! Из какого сора?! Из каких глубин убогой, хамской жизни?! На какой истощенной, скудной почве вырастают эти тропические цветы?! Под лучами какого солнца?!» (2; 224); «Но где же любовь? Где ревность и бессонница? Где *половодье чувств*? Где неотправленные письма с расплывшимися чернилами? Где обморок при виде *крошечной ступни*? Где купидоны, амурсы и прочие статисты этого захватывающего шоу? Где, наконец, букет цветов за рубль тридцать?» (2; 226).

В первой цитате наблюдается переключка со стихами А.Ахматовой: «Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда, / Как желтый одуванчик у забора, / Как лопухи и лебеда»¹⁷. А вторая – переключается с есенинскими строками «О моя утраченная свежесть, буйство глаз и *половодье чувств*»¹⁸. Цитирование Ахматовой и Есенина усиливает ироническую экспрессию. Однако и здесь, как всегда у Довлатова, нет смысловой однозначности, поскольку в мифах и сказках «атрибутика сора... является полной противоположностью золотой символике, и именно в силу этой оппозиционности возникает... взаимобмен, когда отбросы, продукты распада превращаются в сокровища. Такое превращение происходит обычно не само по себе, а благодаря определенным обстоятельствам, связанным с конкретной ситуацией»¹⁹.

На вопрос, умеет ли любить довлатовский герой, помогает ответить и обращение к тексту романа «Евгений Онегин», в котором Пушкин показывает, что «онегинское искажение любви, светский флирт, салонные интрижки и игривые легкие романы противостоят высокой трактовке темы любви в образе поэта-автора»²⁰. По мысли Г.А.Гуковского, контраст между пониманием любви автором и Онегиным проявляется в знаменитом лирическом отступлении о ножках, где «сталкиваются две стихии стиля и переживания любви, из которых одна роднит авторскую манеру с онегинским кругом и может быть определена как выражение онегинского начала, а дру-

¹⁷ Ахматова А. Тайны ремесла // Ахматова А. Сочинения: В 2 т. – М.: 1996. – Т.1. – С. 277.

¹⁸ Есенин С. Не жалею, не зову, не плачу... // Есенин С. Собр. соч.: В 2 т. – М.: 1990. – Т. 1. – С. 125.

¹⁹ Новичкова Т.А. Эпос и миф. – СПб.: 2001. – С. 190.

²⁰ Гуковский Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. – М.: 1957. – С. 200.

¹⁶ Арьев А. Синеглазая мишень // Довлатов С. Последняя книга. – СПб.: 2001. – С. 290.

гая отличает ее от онегинской... это... начало поэта. Отсюда и переходы, типичные для текста романа, от светского иронического скепсиса (онегинского) к лирической патетике (поэта)²¹.

Итак, с одной стороны, в размышлениях Алиханова, в которых находит отклик пассаж о ножках, звучит ирония, близкая к онегинской. С другой стороны, цитата из «Заповедника» отсылает непосредственно к пушкинской патетической трактовке любви. Словосочетание же «тропические цветы» вызывает в памяти название сборника Н.Гумилева, посвященного А.Ахматовой, – «Романтические цветы», и цитату «тропический сад» из стихотворения «Жираф», включенного в эту книгу. Ассоциации, возникающие у читателя в связи с гумилевскими текстами, тоже указывают на противоречивость переживаний автопсихологического героя Довлатова.

В довлатовском «Заповеднике» неоднозначен и пушкинский образ. Прежде всего, Пушкин – объект поклонения: его изображения встречаются на каждом шагу, «даже возле таинственной будочки с надписью «Огнеопасно!» (2; 185); работники Заповедника постоянно повторяют: «Пушкин – наша гордость!.. Это не только великий поэт, но и великий гражданин...» (2; 188). Подвергая иронии все элементы культа, в советское время превратившего Пушкина в фигуру агитпропа, Довлатов вместе с тем демонстрирует актуальность его творчества для русской литературы конца XX века. На это указывают «пушкинские начала», использованные автором в повести «Заповедник»²². Кроме того, сроднив Пушкина со своим автопсихологическим героем, показав, что оба они мучились над разрешением одних и тех же жизненных проблем: служебных, семейных, творческих, – автор повести сумел представить поэта не только как культовую персону и не только как вдохновенную творческую личность, но и как простого смертного человека. Во время экскурсии Алиханов, используя антитезу и опять-таки оксюморон, рассказывал «о маленьком гениальном человеке, в котором так легко уживались Бог и дьявол. Который высоко парил, но стал жертвой обыкновенного земного чувства. Который создавал шедевры, а погиб героем второстепенной беллетристики» (2; 232).

Пространство Пушкинского заповедника можно рассматривать, по мысли самого Довлатова, тоже с разных точек зрения: это – «заповедник, Россия, деревня... скотский хутор» (из

письма С.Довлатова к И.Ефимову)²³. Прежде всего, Заповедник – одно из красивейших заповедных мест в России, родовое имение Пушкина, в котором он похоронен. Это деревня – место, где по традиции, идущей еще от античности, а в России – от поэтов XVIII века, вдали от суетных городов хочется писать, творить. Однако Пушкинские Горы у Довлатова еще и «скотский хутор»: как повсюду в Советском Союзе, здесь царит лицемерие; Пушкина «приспосабливает» для себя советская власть, используя его биографию и творчество для пропаганды социалистического строя. Кроме того, в Пушкинских Горах при любом политическом режиме функционирует самый популярный русский культурный миф, мешающий адекватно воспринимать творчество поэта. Таким образом, название повести «Заповедник» становится названием, включающим в себя антиномичные значения, как и название другой повести – «Филиал» (1989).

Жизнь в Америке приводит Довлатова к убеждению, что, где бы ни жил человек – в России или в Америке, – он везде сталкивается с абсурдной реальностью. Об этом писатель говорит в интервью с Д.Глэдом: «ощущение надвигающегося абсурда, когда безумие становится более или менее нормальным явлением»²⁴, связано не с местом, а со временем. Развенчивая в «Филиале» с помощью иронического принципа повествования американский миф, автор показывает, что Америка – это филиал СССР. Однако слово «филиал» в повести имеет еще несколько значений. Во-первых, до знакомства с американской действительностью многие соотечественники, покинувшие Советский Союз с «третьей волной» эмиграции, считали Америку филиалом рая на земле: как известно, поток русских писателей, принявших тезис о Западе как прямой противоположности России, устремился именно в Америку. Во-вторых, как «филиал будущей России» характеризуется в повести эмиграция: участники общественно-политической секции придуманного Довлатовым симпозиума «Новая Россия» говорят о том, что «эмиграция есть «лаборатория свободы». Или там – «филиал будущей России». Затем что-то о «нашей миссии». Об «исторической роли...» (4; 69). В-третьих, в результате парадоксального решения участники конференции назвали эмиграцию «достойным филиалом» России, поскольку «все единодушно признали, что Запад обречен, ибо утратил традиционные христианские ценности. Все охотно согласилось, что Россия –

²¹ Гукковский Г.А. Пушкин и проблемы.... – С. 201.

²² Доброзракова Г.А. Способы манифестации вторичного пушкинского мифа в повести С.Довлатова «Заповедник» // Доброзракова Г.А. Мифы Довлатова и мифы о Довлатове: Проблемы морфологии и стилистики. – Самара: 2008. – С. 115 – 143.

²³ Сергей Довлатов – Игорь Ефимов. Эпистолярный роман. – М.: 2001. – С. 259.

²⁴ Глэд Д. Беседы в изгнании. Русское литературное зарубежье. – М.: 1991. – С. 93.

государство будущего, ибо прошлое ее ужасающе, а настоящее туманно» (4; 115).

Таким образом, воссоздание жизненного абсурда художественными средствами, проявление «диалектической антиномичности» в изображении образов, явлений, чувств – это и есть то общее, чем связано творчество Довлатова с творчеством Чехова. Кроме того, Довлатова роднит с Чеховым ориентация на принципы объективного повествования, т.е. отсутствие прямых авторских оценок, когда отношение к изображаемому формируется на основании отражения множественности точек зрения на события и поступки героев – через подтекст, через многочисленные интертекстуальные связи.

Литературные цитаты и реминисценции, как в драматургии Чехова, так и в прозе Довлатова, предвосхищают, подтверждают или оспаривают события и поведение героев. Так, неточная шекспировская цитата в устах персонажа из чеховской комедии «Вишневый сад» Епиходова: «Я развитой человек, читаю разные замечательные книги, но никак не могу понять направления, чего мне, собственно, хочется, жить или застрелиться, собственно говоря, но тем не менее я всегда ношу при себе револьвер»²⁵, – свидетельствует о несовпадении самооценки героя, соотносящего себя с Гамлетом, с оценкой его окружающими, называющими Епиходова «двадцать два несчастья».

На протяжении всей пьесы Лопухин никак не может объясниться с Варей. Любовь Андреевна пытается помочь им, советуя Лопухину жениться на Варе. Лопухин отвечает: «Что же? Я не прочь... Она хорошая девушка» (9; 631). Однако при встрече с Варей он говорит: «Охмелия, иди в монастырь...» (9; 635), тем самым определяя их дальнейшие отношения.

А вот примеры из довлатовского «Заповедника». Кажущаяся на первый взгляд радушной сцена встречи Бориса Алиханова с Леной Гурьяновым даже без авторских разъяснений воспринимается как встреча не друзей, а недругов, поскольку, напоминая встречу Печорина с Грушницким (диалоги Печорина с Грушницким и Алиханова с Гурьяновым не только построены по одному плану, но и являются способом представления читателям главных героев, имена которых называются при встрече со старыми знакомыми), сразу отсылает к тексту главы «Княжна Мери», заканчивающейся дуэлью между Печориным и Грушницким.

У Лермонтова:

«Я остановился, запыхавшись, на краю горы и, прислонясь к углу дивана, стал рассматри-

вать живописную окрестность, как вдруг слышу за собой знакомый голос:

– Печорин: давно ли здесь?

Оборачиваюсь: Грушницкий! Мы обнялись. Я познакомился с ним в действующем отряде» (II; 420).

У Довлатова:

« – Тут все живет и дышит Пушкиным, – сказала Галя, – буквально каждая веточка, каждая травинка. Так и ждешь, что он выйдет сейчас из-за поворота...»

Между тем из-за поворота вышел Леня Гурьянов, бывший университетский стукач.

– Борька, хрен моржовый, – дико заорал он, – ты ли это?

Я отозвался с неожиданным радушием» (2; 179).

Прослеживаются и другие интертекстуальные связи эпизода встречи Алиханова с Гурьяновым – связи с текстами произведений хранителя пушкинского мифа в Заповеднике С.Гейченко, который писал: «Еще Луначарский, приезжавший в Михайловское в 1926 году, пережил это чувство: «когда ходишь... по запустелому парку, с такой страшной интенсивностью думаешь о Пушкине, что кажется, *нисколько не удивился бы, если бы вдруг из кupy деревьев или из-за угла здания появилась бы его задумчивая фигура*»²⁶; «Когда будете в Михайловском, обязательно пойдите как-нибудь вечером на околицу усадьбы, станьте лицом к маленькому озеру и крикните громко: «Александр Сергеевич!» Уверю вас, он обязательно ответит: «А-у-у! Иду-у!»²⁷ Довлатовский текст, наполненный иронией, направлен на разоблачение не только веры в особую магию пространства советского Заповедника, но и на разоблачение официального пушкинского мифа: там, где вместо Пушкина появляется кэзгбист, нет места духовным ценностям. Диалог между Алихановым и Натэллой тоже отсылает сразу к двум произведениям – к «Каменному гостю» А.С.Пушкина и к «Герою нашего времени» М.Ю.Лермонтова.

«– А вы человек опасный.

– То есть?

– Я это сразу почувствовала. Вы жутко опасный человек.

– В нетрезвом состоянии?

– Я говорю не о том.

– Не понял.

– Полюбить такого, как вы, – опасно» (2; 189).

На то, что «пошлая реплика кокетничающей с Алихановым экскурсовода Натэллы: «Вы человек опасный» – буквально повторяет слова Доны Анны из «Каменного гостя»²⁸, обратил

²⁵ Чехов А.П. Собр. соч.: В 12 т. – М.: 1961. – Т. 9. – С. 626. Далее цитаты приводятся по этому изданию – в скобках первая цифра обозначает том, вторая – стр.

²⁶ Гейченко С. Пушкиногорье. – М.: 1981. – С. 10.

²⁷ Гейченко С. У Лукоморья: Рассказывает хранитель Пушкинского заповедника. – Л.: 1977. – С. 15.

внимание А.Генис в статье «Пушкин», но не объяснил ее. Наблюдения показывают, что отсылки к тексту «Каменного гостя» из пушкинских «Маленьких трагедий» встречаются в повести тогда, когда речь идет о взаимоотношениях Алиханова с женщинами, и напоминают об ответственности за непостоянство этих отношений со стороны главного героя. Если мы сравним диалог Алиханова и Натэллы с диалогом Печорина и Мэри, то увидим, что в довлатовском «Заповеднике» наблюдается ироническое снижение лермонтовской цитаты, которая контрастирует с бытовым контекстом, и в то же время читатель понимает, что оценка героя окружающими не совпадает с его самооценкой:

«– *Вы опасный человек!* – сказала она мне, – я бы лучше желала попасться в лесу под нож убийцы, чем вам на язычок... Я вас прошу не шутя: когда вам вздумается обо мне говорить дурно, возьмите лучше нож и зарежьте меня, – я думаю, это вам не будет очень трудно.

– Разве я похож на убийцу?..

– Вы хуже» (II; 451)

Таким образом, в прозе Довлатова через интертекст обнаруживается подтекст – то, что так присуще драматическим произведениям Чехова, допускающим самые различные интерпретации, о чем ярко и выразительно высказался М.Веллер: «Чехов оказал театру... неоднозначную услугу, гениально давая чувства героев подтекстом обыденных фраз. ... Чем дальше текст от подтекста, тем, стало быть, театральнее. ... А если драматург сразу напишет то, что и должен понимать зритель, то... в чем же тогда проявляться гениальности его, режиссера?»²⁹. Довлатовские произведения, подобно чеховским, могут восприниматься одновременно как комедия и как трагедия,

что открывает пути для разных, порой противоположных сценических толкований.

Инсценировки по прозе Довлатова (трагикомедия «Новый американец» А.Марьямова, поставленная во МХТ по мотивам таких известных повестей, как «Зона», «Заповедник» и «Филиал», а также «Записных книжек» С.Довлатова, лирическая комедия «Не любовь, а судьба...» по повести «Заповедник», сыгранная на камерной сцене московского театра «Сфера» под руководством Д.Ячевского и Ек.Еланской, и др.) наглядно выявляют такие элементы его поэтики, как ассоциативность и многосмысленность, и позволяют сделать вывод, что Довлатов-прозаик унаследовал особенности чеховской драматургической системы, заключающиеся в трансформации смыслов и оценок, в обилии литературных источников, к которым прибегает автор, чтобы показать процесс создания характеров прямо «на наших глазах». Сближает Довлатова с Чеховым и «монтажная» связь между ситуациями и событиями, судьбами и характерами, даже отдельными репликами. Близость довлатовской поэтики чеховской (способы объективного повествования; слитность описаний природы с повествованием; проникновение в эпическое произведение драматургического и лирического начал; приемы изображения жизненного абсурда: умолчание, использование анекдота, «крах» коммуникации, «смех сквозь слезы») несомненна и заслуживает дальнейшего исследования.

²⁸ Генис А. Пушкин // Довлатов С. Последняя книга. – СПб.: 2001. – С. 333.

²⁹ Веллер М. Кухня и кулуары // Веллер М. Не ножик не Сережи не Довлатова. – М.: 2007. – С. 246.

CHEKHOV IN THE PROSE BY SERGEI DOVLATOV

© 2011 G.A.Dobrozrakova^o

Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics

The author gives a review of studies concerning the connections between the works by S.Dovlatov and by A.P.Chekhov. Connections between aesthetic ideas by Dovlatov and Tchekhov and their poetics are followed. The most important principle of the artistry, characteristic for Tchekhov and for Dovlatov, – the principle of unbiased narration is examined.

Keywords: poetics, aesthetic ideas, the principle of unbiased narration, dialectical antinomy, interlacing of comic and dramatic, oxymoron, intertextual connections, Chekhov, Dovlatov.

^o Galina Aleksandrovna Dobrozrakova, Candidate of Philology, Associate Professor of PR Department. E-mail: deva_roza@list.ru